

"Они сажали алюминиевые огурцы на брезентовых полях": мигранты из Средней Азии и КНР в сельских районах Урала

Авдашкин Андрей Александрович
Южно-Уральский государственный университет, Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, adrianmaricka@mail.ru
Фаткулина Ильмира Ильфатовна
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, fatkulina.2000@inbox.ru

Аннотация. В статье на основе полевых материалов авторов, собранных в 2019–2023 гг. на территории Челябинской и Свердловской областей, а также публикаций медиа-ресурсов рассматривается дискурс об отторжении "другими" пространства в сельских районах Урала. Территориальные рамки обусловлены тем, что именно в этих двух регионах размещалось основное количество тепличных комплексов, маркированных как китайские. Ключевой исследовательский вопрос состоит в следующем: как происходит формирование представлений о сельских локациях, отторгнутых у "местных" мигрантами из КНР и Средней Азии. Опасения, связанные с образованием мигрантских анклавов в крупных российских городах, не нашли убедительного подтверждения. Однако потенциальная возможность образования подобных объектов в сельской местности вызывает значительное беспокойство общественности. Несмотря на то, что в теплицах уже практически не встречаются китайцы, представления об их "китайскости" наполняются все новым содержанием. Китайская теплица представляется сосредоточением мигрантскости, чуждых принимающей стороне архаичных практик, направленных на "захват" пространства "другими", нанесение ущерба "нам". В этом смысле теплица как хозяйственный объект и совокупность социальных отношений маркируются прежде всего этническими категориями – в данном случае "китайскостью" – даже в тех случаях, когда заметную часть рабочих составляют вовсе не китайцы, а мигранты из Средней Азии или местные жители.

Ключевые слова: миграция, мигранты, китайские теплицы, ксенофобия, Урал

Для цитирования: Авдашкин А. А., Фаткулина И. И. "Они сажали алюминиевые огурцы на брезентовых полях": мигранты из Средней Азии и КНР в сельских районах Урала // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 63–72. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/63-72>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/63-72>

"They Planted Aluminum Cucumbers in Tarpaulin Fields": Migrants from Central Asia and China in Rural Urals

Andrey A. Avdashkin
South Ural State University, Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia, adrianmaricka@mail.ru
Ilmira I. Fatkulina
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia, fatkulina.2000@inbox.ru

Abstract. In the article based on the author's field materials collected in 2019–2022, on the territory of the Chelyabinsk and Sverdlovsk regions, as well as publications of media resources, the discourse about the rejection of space in rural areas of the Urals by "others" is considered. The territorial framework is due to the fact that it was in these two regions that the main number of greenhouse complexes labeled as Chinese were located. The key research question is the following: how is the formation of ideas about rural locations, torn away from the "local" migrants from China and Central Asia. Fears related to the formation of migrant enclaves in large Russian cities have not been convincingly confirmed. However, the potential for the formation of such facilities in rural areas is of considerable concern to the public. Despite the fact that there are practically no Chinese in greenhouses, the idea of their "Chineseness" is filled with new content. The Chinese greenhouse seems to be a concentration of migrants, archaic practices alien to the receiving side, aimed at "capturing" space by "others", causing damage to "us". In this sense, greenhouses as an economic object and a set of social relations are marked, first of all, by ethnic categories – in this case, "Chineseness" – even in cases where a significant part of the workers are not Chinese at all, but migrants from Central Asia or local residents.

Key words: migration, migrants, Chinese greenhouses, xenophobia, Ural

For citation: Avdashkin A. A., Fatkulina I. I. "They Planted Aluminum Cucumbers in Tarpaulin Fields": Migrants from Central Asia and China in Rural Urals // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 63–72. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/63-72>

Постановка проблемы

Данный материал подготовлен с целью осмыслить значительный массив интервью и полевых наблюдений, собранных авторами за несколько лет работы в сельских районах Челябинской и Свердловской области, а также пригородах Челябинска и Екатеринбурга. Изначально исследовательская стратегия предполагала активную работу не с иноэтничными мигрантами, что могло бы открыть особенности восприятия "китайских" теплиц. Однако

летом 2021 г. во время одной из поездок на пригородном автобусе внимание привлекли кампании мужчин мигрантов. Возникли естественные вопросы: кто они, куда едут, почему за город? После продолжительных интервью и бесед с этими мигрантами появилась возможность более плотно проникнуть в исследовательское поле, расположенное "по другую сторону". Это позволило существенно расширить источниковую базу и лучше понять, что делают мигранты из Китая и Средней Азии в сельских районах Урала.

Пандемия COVID-19 способствовала повсеместному росту социальной и политической напряженности, а также определенной перефокусировке этнофобий, распространенных в российском обществе. За последние несколько лет мы стали свидетелями того, как заметно увеличилась роль конфликтогенных факторов в крупных городах, таких как Москва, Екатеринбург и др. Трансформация практик мобильности сказалась и на сельской местности, пока не став объектом рефлексии и пристального внимания. На фоне локдаунов и карантинных ограничений, введенных в 2020–2021 г. дачи и загородные дома играли роль важного пристанища для многих семей [6]. Заметно возрос интерес россиян к приусадебным участкам, выращиванию на них овощей и облагораживанию этих пространств. Наряду с этим выяснилось, что и за городом есть высокая вероятность не только встретить мигранта, но и вступить с ним во взаимодействие, в том числе в формате наемного труда. Участие китайских мигрантов, впрочем, мигрантов в целом в сельскохозяйственном секторе российских регионов вызывает настоятельные реакции со стороны населения. В этих условиях востребованы научные оценки тех эффектов, которые вызваны присутствием и (или) отсутствием китайцев на селе, реальным или мнимым воздействием мигрантов на положение в сельских районах Урала.

Внимание автора сосредоточено на двух крупных сельскохозяйственных регионах УрФО: Челябинской и Свердловской области. На их территории размещалась основной количество китайских тепличных комплексов для выращивания овощей. Основная исследовательская проблема рукописи состоит в следующем: как происходит формирование представлений о сельских локациях, отторгнутых у "местных" мигрантами из КНР и Средней Азии. Судя по всему, опасения, связанные с образованием мигрантских анклавов в крупных российских городах, пока не нашли под собой достаточно убедительных подтверждений. Однако потенциальная возможность образования подобных объектов, мест концентрации иноэтничных мигрантов в сельской местности вызывает значительное беспокойство жителей и представителей органов власти.

Несмотря на то, что в теплицах уже практически не встречаются китайцы, представления об их "китайскости" оказались очень устойчивыми, они наполняются все новым содержанием, подвергаются определенным переоценкам и переосмыслению. "Китайская" теплица воспринимается как сосредоточение мигрантскости, воплощение чуждых для принимающей стороны и архаичных практик, направленных на "захват" пространства "другими", нанесение ущерба "нам". В этом смысле теплицы как хозяйственный объект и совокупность социальных отношений маркируются прежде всего этническими категориями – в данном случае "китайскостью" – даже в тех случаях, когда заметную часть рабочих составляют вовсе не китайцы, а мигранты из Средней Азии или жители окрестных деревень.

Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили материалы включенного наблюдения, глубинные и экспресс-интервью, собранные в Челябинской и Свердловской областях в 2019–2023 гг. Анализ этих источников позволяет проследить биографические траектории мигрантов, понять, как и насколько часто они перемещаются между "городом" и "селом", совмещают ли они иные виды занятости, не связанные с работой в теплицах. Следующий значительный пласт интервью характеризует мнение "не мигрантов" относительно "вторжения других".

В 2021 г. собрано 49 глубинных интервью с жителями Челябинской области (Челябинск, Магнитогорск, Миасс, Коркино, Красноармейский, Сосновский, Кунашакский, Аргаяшский и Еткульский районы) и 43 с мигрантами из государств Средней Азии и КНР. Имена всех информантов изменены по их просьбе. В Свердловской области материал собирался преимущественно ле-

том 2022 г. (Красноуфимский, Алапаевский, Богдановичский, Байкаловский, Сысертский и Талицкий районы). Автором интервьюировались мигранты, занятые в сельском хозяйстве, принимавшие участие в сезонных строительных работах на территориях дачных товариществ, коттеджных поселков и др. Всего собрано 15 глубинных и 24 экспресс интервью. Выборка объектов для наблюдения и установления контактов с информантами включала: теплицы для выращивания овощей, садовые товарищества, населенные пункты в изучаемых районах, сельские магазины и т.д. Весной 2023 г. усилиями Э. Фаткулиной прошла еще одна серия полевых исследований среди работников тепличных комплексов в Аргаяшском районе Челябинской области. Собрано 15 экспресс-интервью, содержание которых позволило проследить мотивацию работников и внутреннюю обстановку в тепличных комплексах.

Дополнить картину, сложившуюся в ходе полевых исследований, позволяют документы Объединенного архива Челябинской области. Это фонды Главного управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области (ОГАЧО.Ф. Р-1879)¹ и Комитета по внешним связям и внешнеэкономической деятельности (ОГАЧО. Ф. Р-1404). Материалы, отложившиеся в этих фондах, позволили авторам почерпнуть официальную статистику по привлечению граждан КНР в сельскохозяйственный сектор области, выявить основные районы, где работали китайцы, увидеть позицию региональных органов власти по вопросу трудовой миграции в сельские районы.

Теоретико-методологические рамки рукописи составила теория мобильности [12]. Ее применение позволяет сфокусировать наше внимание на том, что появление "мигрантских" или "китайских" локаций, мест концентрации китайских мигрантов, в том числе в сельской местности происходит в рамках сложных и вариативных сценариев, поиска максимально выгодных ниш и динамичной смены видов деятельности. Как показывает ряд работ, посвященных поведению китайских мигрантов в принимающем обществе, они очень мобильны. Находясь в постоянном движении и меняя сферы занятости, они образуют группу преимущественно временных мигрантов [5; 8; 10]. Опыт последних трех десятилетий показывает, что места их концентрации связаны с появлением и изменением товарных потоков, возможностей быстрого извлечения прибыли из инвестиций в выращивание овощей и движением туристических групп.

Алгоритм выбора районов для проведения полевых исследований выглядел следующим образом: 1) определение основных локаций, районов и поселений, в окрестностях которых расположены тепличные комплексы на основе анализа тематических сюжетов в СМИ; 2) проведение включенного наблюдения с целью отбора случаев для полевых исследований, обнаружения теплиц и строительных объектов, пригодных для "проникновения в поле"; 3) сбор интервью в выявленных локациях.

Мигранты – в городе, а как на селе?

Большинство исследований, посвященных российской миграционной проблематике, выполнены на городском материале. Лишь относительно недавно тематика, связанная с влиянием миграции на сельские локации, заняла свое место в литературе [2; 4; 11; 13]. Во многом это вызвано тем, что научные коллективы банально не доезжают до мест концентрации мигрантов на селе. Намного сложнее выглядит вхождение в такое непростое исследовательские поле, сказывается языковой барьер, работу затрудняет высокая степень мобильности самих мигрантов. Рынок, маркируемый нами как "этнический", зачастую никуда не уедет, он более стабилен в пространстве и в плане организации социальных связей внутри и вовне. Этого нельзя сказать о простых и недорогих конструкциях из жердей и пленки, которые монтировались столь же быстро как и исчезали. Нельзя забывать, что низкая плотность повседневных контактов, невысокая частота посещения этих "отторгнутых" локаций местными жителями – за исключением репортеров и сотрудников правоохранительных органов – усиливает восприятие деятельности мигрантов на селе в алармистском ключе.

¹ ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области

"Другие" и уральское село

По воспоминаниям старожилков населенных пунктов, где проводились полевые исследования, первые "китайские" теплицы начали появляться еще в 1990-е гг., но тогда китайцев встречали очень радушно, поскольку они служили хоть и небольшой, но все же гарантией того, что земли не запустеют, а урожай будет собран. Один из первых ярко выраженных ксенофобских нарративов, связанный с присутствием "других", встречен в южных районах Челябинской области. Авторы не утверждают, что аналогичных случаев не было в других частях Урала. Просто данный кейс реконструировался с помощью старожилков, заставших то время. В местной газете найдена красноречивая карикатура с изображением "корейца-хапуги", символически загребаящего урожай и часть "нашей" земли ("...а как их воспринимать было? В стране черт знает что творилось. Мужики пили, хозяйства рушились. А тут приезжали то китайцы, то корейцы") (**ПМА, Информант 4. Из архива авторов**).

Приезд бригад корейских рабочих из Казахстана и Узбекистана вызвал определенное негодование местных жителей. Несмотря на исключительное трудолюбие и неприхотливость корейцев, прекрасное владение русским языком и высокую урожайность, которой добились хозяйства, корейских овощеводов воспринимали как "чужих", "других", вторгшихся на "нашу" территорию. Архивные документы, к сожалению, не содержат ежегодных статистических данных о количестве иностранных граждан, занятых на сельскохозяйственных работах. Статистический след, который удалось обнаружить, пусть и дает несколько фрагментарную картину, но позволяет при этом говорить о динамике и основных сельских территориях, куда привлекались мигранты.

Одним из основных факторов развития китайских теплиц в документах УФСБ по Челябинской области назван запрет на торговую деятельность иностранных граждан в 2007 г. Так на 187 рынках области (69 в областном центре) по официальным данным осуществляли торговую деятельность 4316 иностранных граждан. Из них граждан КНР – 1290, Таджикистана – 1011, Узбекистана – 729, Казахстана – 537, Кыргызстана – 393, Азербайджана – 166, Армении – 103, Вьетнама – 87 (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 46. Л. 192**). Основными местами их концентрации являлись "Китайский рынок", "Восточный город" и "Каширинский рынок" в Челябинске. По оперативным данным многие китайские предприниматели переориентировали свой бизнес на аренду сельскохозяйственных угодий (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 101–102**). Это частично подтвердили и результаты полевых исследований, в особенности с китайскими мигрантами.

В общей сложности в 2010 г. разрешения на работу в хозяйствах области получили 1467 китайских граждан, но реальная их численность оценивалась выше и по оперативным данным министерства сельского хозяйства Челябинской области доходила до 1985 (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 29**). Высока вероятность того, что и эти данные не отражали реальной картины. В документах совещаний по проблеме миграции регулярно подчеркивалось, что ситуация с привлечением китайских граждан в аграрный сектор требует постоянного контроля и проверок пребывания иностранцев, применения ими удобрений, организации полива, соблюдения санитарных норм проживания и организации питания (**ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 29–30**).

Это частично подтверждается впечатлениями информантов от работы в тепличных комплексах в последние годы. Многие теплицы пребывают в заброшенном в состоянии, а вокруг них царит беспорядок и пугающая антисанитария. Однако в самих теплицах всегда чисто, происходит регулярная прополка, поэтому сорняки не успевают вырасти. "Все аккуратно и красиво растет, огурцы растут в два ряда, между ними есть проход, каждый росток огурца висит на специальной прищепке, такая же ситуация и с помидорами" (**ПМА, Информант 52. Из архива авторов**).

По данным Роспотребнадзора все сельскохозяйственные предприятия, привлекавшие китайских граждан для выращивания овощей, допускали грубые нарушения: продукция реализовывалась без проведения лабораторных тестов, отсутствовала маркировка, не соблюдались правила хранения и внесения удобрений. Кроме того, большинство иностранных граждан не проходили при трудоустройстве медицинскую комиссию. В общей сложности из 135 проб почвы (73 пробы) и овощей (62 пробы), взятых на экспертизу в мае-июне

Табл. 1. Официальные данные о численности граждан КНР, привлеченных хозяйствами Челябинской области в 1998 и 2010 гг.
Table 1. Official data on the number of Chinese citizens attracted by farms in the Chelyabinsk region in 1998 and 2010.

Территории	1998 г.	2010 г.
Челябинск	Нет данных	456
Магнитогорск	40	Нет данных
Красноармейский р-он	101	327
Аргаяшский р-он	66	235
Сосновский	149	92
Анаповский р-он	115	84
Копейск	Нет данных	28
Саткинский р-он	Нет данных	27
Каслинский р-он	Нет данных	23
Верхнеуральский	59	50
Миасс	35	12
Чебаркульский р-он	Нет данных	10
Еткульский р-он	54	Нет данных

Источник: составлено авторами на основе: (ОГАЧО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 28. Л. 6; Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 19–20).

Source: compiled by the authors based on: (OGACHO. F. R-1404. Op. 1. D. 28. L. 6; F. R-1879. Op. 1. D. 85. L. 19–20).

2009 г., 2 пробы готовой продукции не соответствовали требованиям по содержанию мышьяка и нитратов, а в 46 пробах почвы фиксировалось повышенное содержание свинца и мышьяка (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 73).

В мае-июне 2010 г. в Еткульском районе прошли проверки сельскохозяйственных предприятий, привлекающих для работы в полях иностранных граждан (ООО "Беркана", "Экология", "Макао", "Анита", "Кампания заморского строительства"). В результате проведения профилактических мероприятий выявили 76 граждан КНР, находившихся на территории района с нарушениями миграционного законодательства (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 20). Ряд проверок, проведенных УФСБ Челябинской и Свердловской области, позволил выявить канал прибытия граждан КНР на работу с использованием недействительных приглашений на работу, в них подделывались имена и фамилии. Только в апреле-мае 2010 г. по этой причине судом Екатеринбурга принято решение о выдворении 15 китайских граждан (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 26). В 2011 г. УФМС выявлено в общей сложности 711 нарушений миграционного законодательства, совершенных гражданами КНР (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 107. Л. 118).

Факт существования многочисленных тепличных комплексов для выращивания овощей вызывал немалые тревоги со стороны селян и представителей власти. В адрес китайских овощеводов раздавались многочисленные обвинения в нарушении законов РФ, бесконтрольном применении удобрений и ядохимикатов, незаконном использовании водоемов для полива и др. Теплицы, служившие не только хозяйственными объектами, но и общежитиями, воспринимались как территория "архаики", "дикости", "тесноты" и "антисанитарии" (ПМА). Однако незадолго до начала пандемии COVID-19 большинство из них исчезло столь же быстро как и возникло.

Дополнительным фактором, повышавшим градус алармистской риторики вокруг теплиц, служила деятельность т.н. перекупщиков. Изученные архивные документы и материалы полевых исследований позволяют говорить, что зачастую эту роль играли выходцы из Таджикистана и Азербайджана. В целом кампании, привлекавшие труд китайских овощеводов, часто попадали в сферу интересов надзорных органов в связи с фактами недобросовестной конкуренции. Собранный урожай скупался фактически за бесценок, нередко с применением различных методов "физического и психологического давления" (это со слов некоторых информантов), а потом реализовывался населению по рыночной цене (ОГАЧО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 103), происходили многочисленные нападения на тепличные хозяйства и отъем выручки [9]. Как на условиях анонимности показали информанты, склонение под "криминальную крышу и грабежи" являлись обыденной стороной тепличного бизнеса.

Немногочисленные объекты, ранее маркированные как "китайские" теплицы, теперь постепенно утрачивают этот имидж. Они в представлениях местного населения являются примером отторгнутых/утраченных локаций. Судя по изученным медиа сюжетам и собранным полевым данным, "пик" деятельности "китайских теплиц", если можно так выразиться, приходился на 2010–2014 гг. По данным полпреда президента в УрФО, в 2018 г. такие хозяйства давали порядка 90 тыс. тонн урожая, что составляло половину всей овощной продукции, выращиваемой в закрытом грунте на территории федерального округа. Наибольший размах тепличные комплексы получили на территории Челябинской и Свердловской областей [3]. По данным, которыми располагал на 2015 г. Россельхознадзор Свердловской области, до половины всех овощей выращивали мигранты [7].

Так, только в Свердловской области на фоне введенных карантинных ограничений в 2020 г. пустовало свыше сотни гектаров земельных угодий, которые обычно были заняты парниками [3]. Некоторые функционирующие теплицы удалось обнаружить в Челябинской области, но масштабы их деятельности, разумеется, не шли ни в какое сравнение с "великими стенами теплиц", которые раскидывались несколькими годами ранее.

После этого момента напоминанием об активной китайизации села служили разве что брошенные бесхозными каркасы теплиц, большие залежи полиэтиленовой пленки, мешки с иероглифичными надписями, наполненные химикатами. Эта неприглядная для внешнего наблюдателя картина вполне вписывалась не только в широко распространенные представления о варварстве, дикости, грабительском характере капитализма как основной формы хозяйственных отношений. Этими же характеристиками, словно по умолчанию, наделялись российско-китайские отношения, сквозь эту оптику рассматривалось типичное или даже нормальное поведение мигрантов. Как отметил один из наших информантов: "Россия большая. В одном месте напакостили – найдут другое, чиновники помогут". Иными словами, большинство нарративов содержали отсылки к мыслям о "безнадеге в российской глубинке" (ПМА, Информант 16. Из архива авторов).

Вот несколько примеров. В феврале 2022 г. один из жителей Красноармейского района Челябинской области опубликовал в группе Вконтакте "А.Л. Текслер, ПОМОГИ!!!" запись о том, как "...толпы китайцев в цыганских самостроях отравляют почву и воду". Материалы интервью содержат аналогичные отсылки, в которых маркеры этничности служат аргументами, подтверждающими архаичность хозяйственных практик "других", усиливают негативное впечатление о поведении этих самых "других". Отдельный сюжет, который удалось уловить в интервью, посвящен сравнению уральского села и хлопковых полей в Узбекистане. Некоторые отсылки содержали идею о том, что "эти узбеки там у себя высушили Аральское море, пока растили хлопок. Теперь за наши поля примутся".

Мобильность мигрантов: "сегодня рынок, завтра – теплица, послезавтра – кладем асфальт"

Интервью, собранные среди мигрантов, работавших в тепличных комплексах, показали, что для большинства из них овощевод всего лишь "временная подработка". Как правило, наши информанты работают сменами,

чередую занятость на дорожных работах и торговлю. Иными словами, мигранты мобильны, находятся в постоянном движении, что позволяет им давать эффективные ответы на динамичные изменения внешней среды, вызванные сначала пандемией COVID-19, а затем действием экономических санкций. Большая часть опрошенных постоянно проживала в пригороде Челябинска, Копейска или Екатеринбурга, возвращаясь на тепличные грядки около 2–3 раз в неделю. В большинстве случаев поля взяты в аренду "китайским предпринимателем", работают разными сменами с расчетом не пересекаться мигрантам из Средней Азии и (или) жителям окрестных деревень.

Вот что нам рассказал Икром: "Да, почти так. У меня торговая точка на рынке. Когда меня нет, работают младшие сыновья и дочери. Один или два раза в неделю собираю "своих" и едем работать за город на день-два". Нанимаю, контролирую работу, хозяин у нас китаец. Думаю, так почти везде" **(ПМА, Информант 9. Из архива авторов)**. Действительно, реальными владельцами участков зачастую являлись местные предприниматели, сдающие угоды в аренду [1]. Для многих местных жителей эта работа является местом постоянного заработка. Если говорить о контингенте, который там работает, это люди разных национальностей, можно сказать, это является местом встречи разных культур. Основную массу работников составляют китайцы и таджики. Наблюдения, сделанные информантами внутри теплиц, подтвердили наши предположения, что многие таджики ездят из Челябинска для подработки в "китайской теплице".

Анализ собранных интервью показал мотивы движения мигрантов на село. Во-первых, заметное сжатие экономики в городском секторе и возросшая конкуренция на рынке труда вынудили наших информантов искать какие-то подработки в пригородах и на селе ("поля, дачи, строительство и др."). Во-вторых, в 2020–2022 гг. сложился специфический сектор пригородной экономики, построенный на сезонном движении городских жителей за город, большем внимании огородам и личным подсобным хозяйствам ("вырастить картошку на случай кризиса"). В-третьих, городская среда воспринимается как загрязненная. Мы наблюдали, как относительно преуспевшие мигранты (т.е. обзаведшиеся своим жильем) ставили перед собой еще одну задачу: выезд за город, приобретение или аренда земельного участка и (или) дома. Незначительное увеличение таких арендаторов и дачников крайне болезненно воспринималось местными. Как отметил один из наших информантов, увидев таджикскую семью на колонке с водой: "...мы в платках женщин тут никогда не видели, вот и сюда добрались похоже" **(ПМА, Информант 16. Из архива авторов)**.

Кроме того, значительную часть рабочих в теплицах составляли не мигранты, а местные жители, для которых теплицы стали удобным вариантом "подработки на лето". Иными словами, трудовые коллективы в основе своей мигрантские, но не "китайские". Китайцев мы практически не встречали. Исключение, видимо, составлял менеджмент и владельцы бизнеса. Обозначение наблюдаемых нами объектов как "китайских" скорее адресовало к типу социальных отношений вокруг них, архаике, бытовой неустроенности, высокой степени самоэксплуатации ("...кто как не китайцы будут так работать?") **(ПМА, Информант 2. Из архива авторов)**. В этом смысле мы видим, как этнические маркеры используют для обозначения социальных процессов и явлений, их словно этнизируют, чтобы вписать в понятную и уже сложившуюся картину стереотипов.

Сельские жители отзываются о данном виде заработка весьма положительно, говоря "было интересно понаблюдать, что да как там происходит", "я выбрала эту работу, потому что считала, что можно хорошо заработать за день. И не надо ждать целый месяц, чтобы получить зарплату" **(ПМА, Информант 47, Информант 48. Из архива авторов)**. В основном информанты отмечали, что построить общение с китайцами (зачастую они занимались менеджментом) было несложно, легко. "Да, легко, они добрые, готовы помочь, вежливые, очень приятно было, когда я чихнула и мне сказали "бударова", да именно так". Китайцы активно помогают и объясняют непонятные моменты, а также проявляют знаки доброты и заботы: "мы работали в жаркий знойный день, духота в теплицах стояла нереальная, некоторые из нас не взяли с со-

бой воду, к счастью, китаец Иван принес нам воду в трехлитровой бутылке" (**ПМА, Информант 50. Из архива авторов**).

В описаниях информантов можно проследить различие между китайцами и таджиками. Китайские работники характеризуются как трудолюбивые и вежливые, а вот таджики "пытаются неприятно заигрывать, матерщинники, чью речь слушать было просто неприятно". Но в то же время, несмотря на это, один из информантов отметил, что таджики готовы помочь, если помощь требуется, например, перенести тяжелое ведро.

Одной из интересных граней данного проекта, выявленных на заключительном этапе сбора полевых материалов, стала фобия местных жителей стать меньшинством, в том числе на селе. Подавляющее большинство информантов достаточно четко выразило мысль о том, что частичная мобилизация, в случае ее проведения, может привести к резкому и значительному сокращению численности мужчин на селе, а так же в малых городах и поселках. Потенциальный дефицит рабочей силы и "демографический вакуум" придется заполнить посредством более интенсивного привлечения мигрантов из Средней Азии, что, по мнению информантов, неизбежно приведет к росту социальной напряженности. Возникнут более осязаемые перспективы захвата "другими" целых сфер деятельности, в частности сельского хозяйства. Как отметил один из наших информантов: "А кто работать будет, когда всех мужиков мобилизуют. Село опустеет, останутся один старики, бабы и дети". Множество опасений высказывалось по поводу самой возможности смещения этнодемографического баланса т.е. перспектив увеличения численности мужчин мигрантов со всеми вытекающими для принимающей стороны последствиями. На момент завершения нашего исследования частичная мобилизация только начиналась, поэтому оценить ее влияние на поднятую проблему пока сложно.

Заключение

Проведенный обзор, конечно, не позволяет ответить на все сложные вопросы, связанные с постепенным проникновением "других" в сельские поселения и на поля. В представленной статье показана, с одной стороны, некоторая инерционность восприятия мигрантской тематики, поскольку теплицы до сих пор маркируются в качестве "китайских", а с другой – мы наблюдаем, как арсенал этих маркеров расширяется ("азиаты", "все на одно лицо", "цыганский самострой"). Объекты, которые поначалу воспринимались как "китайские" со всеми вытекающими коннотациями, теперь приобретают более широкий функционал в категоризации "других" и социальных процессов в пригородах. Важно отметить, что сельские локации встраиваются в практики мобильности мигрантов в пределах город-пригород, областной центр-сельские территории. Подавляющее большинство мигрантов рассматривают тепличные комплексы как один из видов дополнительной занятости в тесной кооперации с китайским менеджментом, с одной стороны, местными жителями – с другой.

Литература

1. Алюминиевые огурцы с брезентовых полей. Как отличить китайские химпродукты от нормальных овощей // 66.ru. 2018. 11 июля. URL: <https://66.ru/health/news/213071/> (дата обращения: 23.10.2022)
2. Григоричев К.В. "Они есть, но их нет": "китайские" теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137–153.
3. Исчезновение китайских теплиц не обрушило овощной рынок на Урале // Российская газета. 2020. 17 сентября. URL: <https://rg.ru/2020/09/17/reg-urfo/ischeznovenie-kitajskih-teplic-ne-obrushilo-ovoshchnoj-rynok-na-urale.html> (дата обращения: 23.10.2022)
4. Корешкова Ю.О. Китайские теплицы: эхо советского прошлого (сибирские кейсы) // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 145–162. <https://doi.org/10.31857/S086954150013602-2>
5. Ларин А.Г. Китайская диаспора в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 65–82.
6. Покровский Н. Е., Макшанчикова А. Ю., Никишин Е. А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>

7. Сезон пестицидных огурцов открыт. Список нарушений в китайских агрофермах Свердловской области // 66.ru. 2016. 29 марта. URL: <https://66.ru/news/society/183598/> (дата обращения: 23.10.2022)
8. Степанов В.В. Китайцы в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 417–436.
9. Граждане Таджикистана осуждены за нападения на китайцев в Челябинске // SPUTNIK Таджикистан. 2019. 7 ноября. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20191107/Tajkistan-osuzhdeny-napadeniya-na-grazhdan-china-Chelyabinsk-1030175977.html> (дата обращения: 23.04.2023).
10. Kalir B. Moving Subjects, Stagnant Paradigms: Can the "Mobility Paradigm" Transcend Methodological Nationalism? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. Vol. 39 (2). P. 311–327. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723260>
11. Grigorichev K., Koreshkova Iu. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // Inner Asia. 2022. Vol. 24. P. 31–52. <https://doi.org/10.1163/22105018-02302016>
12. Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // Mobilities. 2006. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
13. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does China matter? // Eurasian Geography and Economics. 2022. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/15387216.2022.2064892>.

References

1. Aluminum cucumbers with canvas fields. How to distinguish Chinese chemical products from normal vegetables // 66.ru. 2018. 11 July. URL: <https://66.ru/health/news/213071/> (accessed 10/23/2022) (In Russ.).
2. Grigorichev K.V. "They are, but they are not": "Chinese" greenhouses in the suburbs // Ethnographic review. 2016. № 4. P. 137–153. (In Russ.).
3. The disappearance of Chinese greenhouses did not bring down the vegetable market in the Urals // Rossiyskaya Gazeta. 2020. September 17th. URL: <https://rg.ru/2020/09/17/reg-urfo/ischezno-venie-kitajskih-teplic-ne-obrushilo-ovoshchnoj-rynok-na-urale.html> (accessed 10/23/2022) (In Russ.).
4. Koreshkova Yu.O. Chinese greenhouses: echoes of the Soviet past (Siberian cases) // Ethnographic review. 2021. № 1. P. 145–162. (In Russ.).
5. Larin A.G. Chinese Diaspora in Russia // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2017. V. 10. № 5. P. 65–82. (In Russ.).
6. Pokrovsky N. E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A. Reverse migration during the pandemic crisis: Russia's extra-urban spaces as a resource for adaptation // Sociological research. 2020. № 12. P. 54–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1> (In Russ.).
7. The season of pesticide cucumbers is open. List of violations in Chinese agricultural farms in the Sverdlovsk region // 66.ru. 2016. March 29. URL: <https://66.ru/news/society/183598/> (accessed 23.10.2022) (In Russ.).
8. Stepanov V.V. Chinese in Russia // Ethnic and Religious Diversity of Russia / Ed. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2018. P. 417–436. (In Russ.).
9. Tajik citizens convicted of attacks on Chinese in Chelyabinsk // SPUTNIK Tajikistan. 2019. November 7. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20191107/Tajkistan-osuzhdeny-napadeniya-na-grazhdan-china-Chelyabinsk-1030175977.html> (accessed 04/23/2023) (In Russ.).
10. Kalir B. Moving Subjects, Stagnant Paradigms: Can the "Mobility Paradigm" Transcend Methodological Nationalism? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. Vol. 39 (2). P. 311–327. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.723260>
11. Grigorichev K., Koreshkova Iu. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // Inner Asia. 2022 Vol. 24. P. 31–52. <https://doi.org/10.1163/22105018-02302016>
12. Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // Mobilities. 2006. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/17450100500489189>
13. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does China matter? // Eurasian Geography and Economics. 2022. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/15387216.2022.2064892>

Информация об авторах

Андрей Александрович Авдашкин, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории миграционных исследований, Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; доцент кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Ильмира Ильфатовна Фаткулина, магистрант Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: fatkulina.2000@inbox.ru

Information about the authors

Andrey A. Avdashkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Migration Studies, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia; Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Ilmira I. Fatkulina, Master Student, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: fatkulina.2000@inbox.ru

Поступила в редакцию 08.01.2023

Received 08.01.2023

Одобрена после рецензирования 16.08.2022

Approved 16.08.2022

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023